

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 327.8

От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году¹

И. Н. Новикова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Новикова И. Н.* От автономии к независимости: Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 107–127. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.201>

Исторический путь Великого княжества Финляндского от фактической автономии в составе Российской империи до независимого государства представляет большой научно-практический интерес. Причем период с февраля по октябрь 1917 г. был наиболее драматичным временем, когда окончательно сформировалась позиция финляндской правящей элиты о необходимости выхода из состава Российского государства, которая нашла свое воплощение в Декларации независимости 6 декабря 1917 г. В статье анализируется финляндская политика Временного правительства, взаимоотношения между Временным правительством, правящей элитой и политическими партиями Финляндии, выявляются причины радикализации национальных требований финляндцев. Предпринимается попытка ответить на вопрос, почему российские либералы и демократы, придя к власти в ходе Февральской революции 1917 г., были безуспешны в своих попытках «приручить» финляндский национализм. После падения монархии в России в российско-финляндских отношениях самым актуальным стал вопрос о том, кому перешла верховная власть над Финляндией после отречения российского монарха от престола. Временное правительство считало себя правопреемником верховных прав над Финляндией, принадлежавших российскому императору. Однако не все политические силы в Финляндии разделяли это мнение. Социал-демократы полагали, что прерогативы российского императора должны перейти к финляндскому парламенту. Финляндское правительство мечтало присвоить себе права российского

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Федерализм в “тюрьме народов”: российско-финские отношения имперского периода (1809–1917)», № 16-01-50115 а(ф).

монарха в Великом княжестве. Финляндские националисты вообще отрицали верховные права Временного правительства над Финляндией. С целью разрешения российско-финляндских противоречий финляндская элита предложила принять «Закон о взаимных правовых отношениях России и Финляндии», который бы четко определил полномочия российского правительства и местных органов власти в Финляндии. Однако компромисс между Временным и финляндским правительством был найден слишком поздно, лишь в начале ноября 1917 г. Желание финляндской правящей элиты отделиться от России также возросло по мере усиления российской революционной власти в княжестве, деморализации и падения дисциплины размещенных в Финляндии русских войск. В этих условиях финляндская правящая элита пришла к убеждению, что отделение от революционной России является лучшим средством для спасения своей страны.

Ключевые слова: Российская империя, Финляндия, Временное правительство, российско-финские отношения.

Первая мировая война подвергла многонациональные империи колоссальным испытаниям на прочность. Финляндия стала одним из новых независимых государств, образовавшихся в процессе распада Российской империи на заключительном этапе Великой войны. Исторический путь Великого княжества Финляндского от фактической автономии в составе Российской империи до независимого государства представляет большой научно-практический интерес. Причем период с февраля по октябрь 1917 г. был наиболее драматичным временем, когда окончательно сформировалась позиция финляндской правящей элиты о необходимости отделения от Российского государства. Изучение данного периода позволяет ответить на вопрос, почему закончилась крахом финляндская политика Временного правительства, почему российские либералы и демократы, поддерживавшие борьбу финляндцев за автономию, придя к власти в феврале 1917 г., не смогли найти общий язык ни с финляндскими националистами, ни с правящей элитой Великого княжества, с которыми сотрудничали до революции.

Следует заметить, что Февральская революция в России стала для финляндской правящей элиты большой неожиданностью. 3 (16) марта 1917 г. командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. И. Непенин пригласил на флагманское судно «Кречет» представителей основных политических партий Финляндии и сообщил им о революции в России, установлении власти Временного правительства, а также об аресте наиболее одиозных фигур, олицетворявших русификаторскую политику самодержавия в Финляндии — генерал-губернатора Ф. Зейна и вице-председателя хозяйственного департамента финского сената (по-современному «премьер-министра») М. Боровитинова [1, л. 92].

После встречи с вице-адмиралом Непениным в Петроград отправилась делегация ведущих политических деятелей Финляндии для переговоров с Временным правительством. Финляндцы высказали общее пожелание о том, чтобы Временное правительство созвало финляндский парламент — сейм, утвердило состав правительства — сената, назначило нового генерал-губернатора и вернуло Великому княжеству права автономии, потерянные в период правления Николая II. При этом, как свидетельствует в своих воспоминаниях один из членов финляндской делегации К. Г. Идман, с финляндской стороны не прозвучало ни надежд, ни требо-

ваний о том, чтобы в Петрограде признали полную самостоятельность Финляндии [2, с. 119].

Следуя навстречу пожеланиям представителей Финляндии, Временное правительство приняло 7 (20) марта 1917 г. «Акт об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме», согласно которому восстанавливались все прежние права автономии, которых Финляндия лишилась в ходе унификационных мероприятий российской власти в конце XIX — начале XX в. [3, с. 427–428]. Новым генерал-губернатором был назначен бывший член Государственного совета, известный своими выступлениями в защиту автономных прав Финляндии, М. А. Стахович, министром-статс-секретарем стал финляндец Карл Энкель. Именно Энкель после отречения Николая II от престола осуществлял взаимосвязь между финляндским правительством и Временным правительством, докладывая последнему все касающиеся Финляндии дела.

13 (26) марта 1917 г. Временное правительство утвердило новый состав финляндского правительства. Вице-председателем сената стал социал-демократ Оскари Токой. Кроме него в правительство вошли еще пять социал-демократов: В. Таннер, В. Войонмаа, В. Вуолийоки, М. Паасивуори, У. Айлио и шесть представителей буржуазных партий: старофинны А. Туленхеймо и А. Серлакиус, младофинны Е. Х. Сетяля и Р. Холсти, представитель Шведской народной партии Э. Эрнрот и представитель Аграрного союза К. Каллио. Председателем сената оставался российский генерал-губернатор. Финляндия обрела правительство, членами которого являлись ее граждане, представлявшие широкие слои населения. Министр юстиции в первом составе Временного правительства А. Ф. Керенский на митинге в Гельсингфорсе 16 (29) марта 1917 г. заверил, что союз России с Финляндией теперь будет вечным, и расцеловал лидера финляндских профсоюзов и вице-председателя правительства О. Токоя [4, с. 42].

В свою очередь, Временное правительство, восстановившее автономные привилегии Финляндии, ожидало от ее населения ответных действий. В своем финляндском курсе оно стремилось к следующим целям: во-первых, обеспечить лояльность населения Финляндии по отношению к новой, демократической России; во-вторых, привлечь его к активному сотрудничеству с центральной властью в Петрограде; в-третьих, заставить отказаться от контактов с Германией; наконец, привлечь финляндских добровольцев к службе в российской армии. Один из лидеров финляндской оппозиции, профессор химии Гельсингфорского университета Эдвард Ельт, привел в своих дневниках любопытный разговор с новым командующим Балтийским флотом А. С. Максимовым, в ходе которого последний недвусмысленно заметил, что Финляндии «в знак благодарности за дарованную свободу следовало бы продемонстрировать солидарность с Россией, предоставив в ее армию добровольцев». По мнению Максимова, «чувство долга должно было обязывать княжество теснее войти в войну на стороне России» [5, с. 34].

Временное правительство амнистировало всех финляндских деятелей, оппозиционных по отношению к российской самодержавию, включая участников егерского движения². Причем наивность Временного правительства была потрясающей: оно не только разрешило большевикам вернуться в Россию [6, с. 375], но и амни-

² Под егерским движением понимается германо-финляндское секретное сотрудничество в годы Первой мировой войны, результатом которого стало образование 27-го Королевского

стировало финляндских сепаратистов, включая работавших на германскую разведку егерей. Временное правительство было настолько уверенным в своих силах, что посчитало обнадеживающим известие о том, что съезд финляндских эмигрантов в Стокгольме решил обратиться с просьбой к германскому Генеральному штабу о немедленной отправке всех финнов — военнослужащих в германских войсках на родину для организации там восстания [7, л. 97]. В ответ на опасения российского посланника в Стокгольме А. В. Неклюдова в отношении намерений финляндских сепаратистов министр иностранных дел П. Н. Милюков заметил: «Одним из первых мероприятий Временного правительства было восстановление финляндской конституции... при таких условиях вооруженные силы Финляндии без сомнения явятся для России не угрозой, а ценным союзником» [7, л. 99]. Неклюдов встретился в Стокгольме со шведским министром иностранных дел К. Валленбергом и просил его принять защитные меры на случай перехода вооруженными финляндцами шведско-финской границы. Милюков же этот шаг не одобрил. Выполняя инструкции Милюкова, 25 марта 1917 г. российский посланник в Стокгольме сообщил в МИД: «Политическим эмигрантам (в том числе егерям) будет оказано благожелательное содействие. Кредит есть. Консулы получают надлежащие указания. Но есть опасность, что среди них (пропускаемых в Россию эмигрантов. — *И. Н.*) есть германские агенты» [7, л. 105].

Неклюдов не понимал смысла решений Милюкова, указывая в своем донесении: «Швеция имеет право обидеться на нас за то, что наши власти предполагают естественный пропуск через Швецию вооруженных против нас банд» [7, л. 106]. В конце концов российский дипломат пришел к мысли, что его дальнейшая работа в Стокгольме потеряла смысл, и ушел в отставку. Амнистия распространялась и на сосланного в Сибирь бывшего председателя финляндского сейма, откровенного русофоба П. Е. Свинхувуда, который впоследствии возглавит финляндское правительство и станет инициатором провозглашения Декларации независимости. Таким образом, Временное правительство собственными руками готовило силы для своего свержения в Финляндии.

Эффективная реставрация автономии Великого княжества Финляндского, действительно, вызвала в финляндском обществе прилив симпатий по отношению к правительству в Петрограде [8, ф. 229, оп. 4, д. 2039, л. 235.]. В городах проходили многочисленные демонстрации в поддержку Временного правительства, в которых участвовали как рабочие, так и буржуазия [9, с. 179]. По замечанию финского историка Ю. Паасивирта, Февральская революция рассматривалась многими в Финляндии как «предвестник нового периода финской истории, способный освободить общество от состояния неопределенности, добиться новой степени политической и национальной свободы» [10, р. 64]. В финляндском обществе возлагали большие надежды на демократизацию России, на то, что Россия изменилась к лучшему, и считали, что эти перемены необходимо использовать на благо своей страны. Особое значение придавалось установлению прочных, гармоничных контактов с российскими властями. Об этом, в частности, писал на страницах журнала «Суннунтай» популярный финский поэт и общественный деятель Эйно Лейно [10, р. 65]. Духовный вождь старофиннов, историк Ю. Даниэльсон-Кальмари сравнил

Прусского егерского батальона, состоявшего из финляндских добровольцев и принимавшего участие в войне на стороне Германии.

Февральскую революцию в России с Великой французской революцией, подчеркнув то обстоятельство, что державы Востока вступили в важный исторический период, который западные державы уже прошли после Французской революции [10, р. 65]. В целом для лидеров большинства политических партий, по словам финляндского политика И. Эквиста, «кадетская Россия являлась воплощением идеального государства, в рамках которого Финляндия могла быть счастливой» [11, S. 122]. Большинство представителей буржуазных партий считали необходимым проводить политику сотрудничества с Временным правительством. Дальнейшее расширение автономии княжества в рамках Российского государства представлялось достижимым конституционными средствами, с помощью диалога с Временным правительством

Противоположную позицию заняли проживавшие, в основном, за рубежом радикальные националисты в лице «активистского движения». Революция в Петрограде вызвала в их среде состояние растерянности, ибо создавала неожиданную, неясную, а потому неудобную ситуацию, требовавшую корректировки уже сложившейся линии политического поведения в отношении России. Один из финляндских националистов, Э. Ельт, после поездки в Петроград сделал в своем дневнике следующую запись: «Мне кажется, что мы стремились к другой свободе, чем та, которую русская “свобода” смогла бы нам предоставить. Ее следует создавать на надежной германской основе, не оставаясь в зависимости от славянских эмоций» [5, s. 41].

Глава Стокгольмского эмигрантского «активистского» комитета А. Бонсдорф назвал Манифест Временного правительства от 20 марта 1917 г. «чечевичной похлебкой, за которую нельзя отказываться от стремления к полной самостоятельности» [12, Bd 19, Bl. 135]. С его точки зрения, для отделения Финляндии от России открывались более широкие перспективы, чем когда бы то ни было ранее. 22 марта 1917 г. в донесении рейхсканцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу немецкий посланник в Швеции Г. Люциус сообщил о собрании финляндских сепаратистов в Стокгольме, посвященном выработке стратегии после Февральской революции. Участники собрания призвали не доверять обещаниям Петрограда. Не отрицая важности мартовского манифеста, они все же не считали его окончательным решением проблемы российско-финляндских отношений. «Активисты» были убеждены в том, что «финляндский вопрос» невозможно решить постановлениями Временного правительства [12, Bd 19, Bl. 135]. Один из лидеров Стокгольмского «активистского» центра Г. Гуммерус отправил в Госсекретариат иностранных дел Германии «Финляндский меморандум», в котором предлагались два варианта решения «финляндского вопроса». Первый вариант исходил из необходимости наступления германских войск на российскую столицу, второй принимал во внимание возможность заключения между Германией и Россией такого мирного договора, который гарантировал бы независимость Финляндии. При этом в обоих случаях Финляндия стала бы страной-союзницей Германии [12, Wk 11 с, Bd 20, Bl. 340–346]. Однако в самом Великом княжестве подобная позиция являлась маргинальной и не имела серьезной поддержки в обществе.

Что касается финляндского рабочего движения, то революция в Петрограде «застала рабочих врасплох» [10, р. 68]. Февральская революция рассматривалась сначала как возвращение к ситуации, подобной Первой русской революции 1905–

1907 г., с той лишь разницей, что падение самодержавия неизбежно способствовало более глубоким переменам. Финляндские социал-демократы первоначально не требовали прекращения отношений с Временным правительством. Вместе с тем они, как и буржуазные партии, стремились к ограничению его власти на территории Великого княжества. Так, один из лидеров социал-демократической партии Ю. Мякелин публично выражал надежды на развитие независимой финской политической активности, свободной от навязанных центральной властью ограничений [10, р. 68].

Правда, цели буржуазных партий и социал-демократов оказались различными. Расширение автономии княжества считалось первыми необходимым для сдерживания революционной анархии, распространявшейся из Петрограда. Вторые же рассматривали это требование в качестве существенной предпосылки для проведения социальных реформ, которые до настоящего времени блокировались как имперским центром, так и консервативными элементами внутри финляндской политической элиты. При этом финляндские социал-демократы надеялись на поддержку своих российских коллег.

Весной 1917 г. в Финляндии на партийных собраниях и в прессе широко обсуждались два вопроса: будущий государственно-правовой статус княжества и механизмы взаимодействия с Россией. Прежде всего, следовало решить — кому перешла верховная власть над Финляндией после отречения российского монарха от престола. По вопросу о верховной власти сформировалось три точки зрения.

Первая — это позиция Временного правительства. Согласно мартовскому манифесту, Временное правительство считало себя преемником верховных прав над Финляндией, принадлежавших российскому императору, до созыва Учредительного собрания. Однако этот вопрос не был таким простым и однозначным. Исчезла фигура главы государства, монарха, объединявшего законодательные сферы России и Финляндии. Финляндское правительство — сенат, в сущности, признало власть Временного правительства в Финляндии, когда начало вести с ним переговоры по вышеупомянутому мартовскому манифесту [13, с. 747]. Однако радикальные националисты и большинство социал-демократов не признавали власть Временного правительства над Финляндией. Социал-демократы, например, полагали, что прерогативы российского императора должны перейти к финляндскому парламенту, где после выборов 1916 г. социал-демократы имели большинство.

Вторая точка зрения была представлена сторонниками старофинской партии — Р. А. Вреде и Р. Германсоном. Они считали, что Финляндия продолжала оставаться неотъемлемой частью Российского государства. Отсюда, отношения между центром и «национальной окраиной» должны строиться на следующей основе: носитель верховной власти в России являлся одновременно и носителем верховной власти в Финляндии. Таким образом, Временное правительство временно, до созыва Учредительного собрания, обладало правом осуществления верховной власти в Финляндии [2, с. 24]. Но взамен на *временное признание* верховных прав Временного правительства в Финляндии старофинны требовали компенсации. В качестве одного из вариантов такой компенсации Германсон предложил заключение такого соглашения с Россией, которое обеспечило бы Финляндии полную внутреннюю самостоятельность [13, с. 748]. После Февральской революции старофинны выступали с идеей заключения государственного договора между Россией

и Финляндией, который бы четко определил полномочия центральных и местных органов власти.

Третья точка зрения была высказана проживавшим в Германии финляндским правоведом-«активистом» Рафаэлем Эрихом. Он считал, что с падением самодержавия союз России и Финляндии, персонифицированный фигурой Великого князя Финляндского, оказался расторгнутым. Поэтому никакое российское правительство не имело права управлять Великим княжеством. Временное правительство также не являлось носителем верховной власти в Финляндии. Эта власть не могла быть передана и Учредительному собранию [2, s. 24]. В одной из своих статей Р.Эрих, в частности, писал: «Для включения Финляндии в российское федеральное государство нет ни исторических, ни этнографических, ни народно-психологических условий. Всякого рода русско-финляндские учреждения, которые изобретались русскими или вводились, становились пагубными для государственного бытия Финляндии... Даже положение квалифицированного государства в составе русского федерального союза не может удовлетворить правомерных притязаний Финляндии» [14].

Какой же выход из создавшейся ситуации предлагал финляндский юрист? Несмотря на то, что он принадлежал к числу радикальных националистов, все же весной 1917 г. Эрих не выступал еще категорично в пользу полного государственного суверенитета Финляндии. Он предлагал решить проблему российско-финляндских отношений путем предоставления Финляндии статуса «государства-придатка». В данном случае Финляндия оставалась бы в объединении с Российским государством при условии сохранения самого широкого права самоуправления. Главное, по мнению Эриха, заключалось в том, чтобы не допустить вмешательства России во внутренние дела Финляндии без согласия последней. В противном случае он предлагал российским властям согласиться на проведение референдума в Великом княжестве по вопросу об определении будущего государственного статуса, даже если бы итоги референдума привели к отрицательному результату для России. Установление нормальных, доверительных отношений между двумя странами, с точки зрения автора, было важнее имперских амбиций центральной власти [14].

31 марта 1917 г. финляндский сенат учредил Конституционный комитет во главе с либералом К. Стольбергом. В задачу комитета входила подготовка государственно-правового договора между Финляндией и Россией. Будущий первый президент независимой Финляндии был реалистом и отдавал себе отчет в том, что власть российского царя в Финляндии перешла в руки Временного правительства. Изменить эту ситуацию можно только путем заключения государственно-правового договора или через восстание. Конституционный комитет разработал проект, по которому значительная часть принадлежавших российскому императору прав (созыв и роспуск сейма, одобрение законов и др.) переходила к финляндскому правительству. При этом Временное правительство оставляло бы за собой право назначения высших должностных лиц в Финляндии, а также вопросы обороны и внешней политики [2, s. 127]. Цель финляндского правительства была ясной — присвоить себе основные права российского монарха в княжестве. Не последнюю роль в этом желании играло стремление представителей буржуазных партий в правительстве успешно противостоять финляндскому парламенту, где большинство голосов принадлежало социал-демократам.

7 апреля проект договора был направлен в Петроград. Деятели Конституционного комитета спешили. Они хотели договориться с Временным правительством о разграничении полномочий и передаче основных прав российского монарха в Финляндии финляндскому правительству до того, как приступит к работе финляндский парламент. Временное правительство отклонило данный вариант государственно-правового договора с Финляндией. Оно считало своим долгом сохранить державу единой, по крайней мере, до тех пор, пока не будет созвано Учредительное собрание. Установка на продолжение войны с новыми силами также требовала противодействия всему, что могло привести к ослаблению «единой и неделимой» России [15, с. 13].

Членов Конституционного комитета удивляло также разное отношение Временного правительства к «финляндскому» и «польскому» вопросам. Новость о признании независимости Польши в случае одобрения этого решения со стороны Учредительного собрания быстро перелетела на страницы финляндской прессы. В ответ на требования расширения внутренней автономии княжества деятели Временного правительства заявили, что «признать независимость Польши все равно, что дать обещание Луне, поскольку территория страны оккупирована немецкими войсками» [16, с. 29].

Невозможность достичь с Петроградом приемлемого для обеих сторон компромисса способствовала тому, что непризнание за Временным правительством верховных прав в Финляндии находило в Великом княжестве тем больше сочувствия и понимания, чем сильнее росло разочарование деятельностью Временного правительства. При этом следует иметь в виду, что очень осторожная, довольно консервативная финляндская правящая элита в своих проектах не требовала предоставления Финляндии независимости. Она была заинтересована в том, чтобы, оставаясь в составе Российского государства, заключить с центральной властью в Петрограде такое соглашение, в котором были бы четко обозначены полномочия российского правительства и региональных финляндских властей. Финляндская элита не доверяла обещаниям Временного правительства, мечтая юридически защитить свои права в управлении Великим княжеством.

Апрельский кризис в России привел к отставке ряда консервативно настроенных министров и к образованию первого коалиционного правительства. Финляндские социал-демократы поддались искушению воспользоваться переменами в составе Временного правительства, чтобы потребовать дальнейших уступок от России [17, с. 10]. В этот же период приступил к своей работе финляндский парламент — сейм. Из-за преобладания в нем социал-демократов этот парламент вошел в историю Финляндии как «красный сейм». Его председателем был избран левый социал-демократ Куллерво Маннер. Сенсацией для собравшихся стала речь на открытии сессии парламента генерал-губернатора М. А. Стаховича, который признал Финляндию отдельным, свободным и современным государством [13, с. 747]. Эту идею подхватили лидеры социал-демократов. 20 апреля вице-председатель финляндского правительства Оскар Токой заявил с парламентской трибуны о необходимости добиваться полной политической самостоятельности Финляндии: «Финляндский народ развился со временем и стал настолько зрел, чтобы быть независимым народом, самостоятельным во всем, что касается его прав, задач и планов. Финляндия в своей истории, экономическом и общественном развитии резко

отличается от России. О слиянии не может быть и речи... Сосед новой свободной России также должен быть совершенно самостоятельным народом» [18, с. 89]. Хотя в речи Токоя ничего не было сказано о форме осуществления самостоятельности, его выступление шло в русле той политической линии, сторонники которой отказывались признавать Временное правительство законным преемником верховной власти в Финляндии.

23 апреля 1917 г. левый социал-демократ О. Куусинен, выступая перед Гельсингфорским сеймом рабочих организаций, заявил еще более определенно: «Утверждение о том, что мы (социал-демократы. — *И. Н.*) якобы признали переход к Временному правительству тех прав, которые имел царь, неправильно. Такое признание означало бы добровольный отказ от прав на независимость» [19, с. 119]. Следует отметить, что многие заявления, сделанные финляндскими социал-демократами с высоких трибун, использовались ими в агитационно-пропагандистских целях, являясь продуктом популизма. В реальной практической деятельности лидеры партии по-прежнему не отрицали конструктивный диалог с новой российской властью.

В Российском государственном архиве Санкт-Петербурга содержится весьма примечательный документ — неофициальное обращение к А. Ф. Керенскому, составленное видными социал-демократами Эдвардом Гюллингом, Отто Куусиненом и Карлом Вийком [20, л. 18–19]. В нем сформулированы основные принципы социал-демократического варианта государственно-правового договора между Финляндией и Россией. Прежде всего, Финляндия в качестве «самостоятельного государства» должна была тем не менее образовать «нерасторжимую унию» с Россией. При этом вопросы внешней политики, такие как заключение соглашений с другими державами, решает Россия, но некоторые аспекты, которые непосредственно касаются Финляндии, вступают в силу лишь после одобрения ее парламента. Финляндия должна была получить полную самостоятельность во внутренних делах и независимый от России орган высшей власти. Оборона страны также является внутренним делом Финляндии. В мирное время Россия не имела права размещать здесь свои войска [20, л. 20].

Обращение носило секретный характер и имело целью прозондировать почву для возможного соглашения с Временным правительством. Его авторы не отрицали возможности пересмотра некоторых пунктов проекта. Предвосхищая возражения центральной власти относительно того, что в результате подписания подобного соглашения Финляндия становилась практически независимой, социал-демократы заявляли: «Финляндия слишком мала, чтобы пренебречь интересами и желаниями российской государственной власти» [20, л. 20]. Более того, они готовы были признать, что положение Финляндии в союзе с Россией было бы для них выгоднее, чем положение независимой страны, неприкосновенность которой никем и ничем не обеспечена. Таким образом, говоря о самостоятельности и независимости Великого княжества, финляндские социал-демократы имели в виду применение этих принципов во внутренних делах, т. е. максимальную степень автономии. Если бы Временное правительство внимательнее отнеслось к проекту социал-демократов и не отказалось от диалога с ними, то, возможно, удалось бы найти приемлемый компромисс, что предотвратило бы переход указанной партии на путь открытой борьбы с центральной российской властью.

Наиболее четко требование государственной независимости Финляндии весной 1917 г. было представлено в документах студенческого движения, лидеры которого разделяли «активистские» взгляды. 12 мая 1917 г. студенты Гельсингфорского университета и Высшей технической школы на общем собрании приняли следующее обращение: «Финляндия теперь созрела для того, чтобы занять место в ряду независимых народов. Мы убеждены, что скоро пробьет час, когда наша страна достигнет полной государственной независимости. Чтобы достичь этой цели, мы хотим использовать все наши силы и средства» [12, Wk 11c, Bd. 21].

Ближайшей задачей лидеры студенческого движения считали воздействие на общественное мнение для доказательства несовместимости интересов Финляндии с государственной принадлежностью ее к России [12, Wk 11c, Bd. 21]. Подобные заявления студентов прозвучали во время визита А. Ф. Керенского в край. Военный министр ясно продемонстрировал отношение Временного правительства к вопросу о независимости Финляндии: «Финляндия как независимое государство представляла бы постоянную опасность для Петербурга, и удовлетворение финляндских требований можно осуществить лишь на равных основаниях с требованиями других не русских национальностей, населяющих Российскую империю» [8, ф. 1093, оп. 1, д. 88, л. 8].

Радикализация национальных стремлений финляндцев вызвала серьезную обеспокоенность в российской прессе. Генерал-губернатор княжества М. А. Стахович старался успокоить общественное мнение России: «В финском народе в целом нет ни предубеждения, ни ненависти к России. Есть подозрительность, оправдываемая прошлым, существует боязнь, что дарованная автономия будет сокращаться, вот потому-то финны стремятся ее закрепить. Если сегодня Финляндия объявит самостоятельность, то мы, имея там три крепости, можем ночью объявить войну и оккупировать страну» [21, с. 39].

На практике Финляндия постепенно выходила из-под власти российского Временного правительства. Одновременно укреплялась экономическая независимость Финляндии.

Это хорошо видно на примере валютного кризиса, осложнявшего отношения между Временным правительством и Финляндией. Инфляция в России развивалась стремительно и значительно опережала изменения на валютном рынке Финляндии. Финская марка, в отличие от русского рубля, сохраняла относительную стабильность. Россия была вынуждена обратиться к Финляндии с просьбой о займе в 100 млн марок. Временное правительство нуждалось в финских марках для оплаты денежного довольствия войск и государственных заказов, исполнением которых были заняты 3/4 рабочих Финляндии. Задержка оплаты грозила волнениями. Используя эту непростую ситуацию, финляндский сейм связал вопрос займа с предоставлением полной самостоятельности [21, с. 41]. В частности, О. Токой в одном из интервью заявил, что Финляндия может предоставить 100–200 млн марок при условии объявления ее независимой во внутренних делах и передаче решения «финляндского вопроса» на международный конгресс великих держав [1, д. 2859, л. 14]. Временное правительство после неудачного запроса у финляндцев обратилось за займом к США. Получив американский заем, Временное правительство летом 1917 г. стало покупать у Финляндии на американские доллары финские марки, с целью оплаты русских военных заказов в Финляндии [22, с. 176–177]. Эта

операция создавала исключительно важный для Финляндии политический прецедент: Временное правительство было вынуждено признать полную самостоятельность финляндского валютного рынка. Именно такого признания независимости экономической и внешнеторговой политики добивалась Финляндия. Поэтому финляндские предприниматели весной-летом 1917 г. в целом были удовлетворены состоянием российско-финляндских отношений. К лету 1917 г. в ходе обмена мнениями и переговоров между финляндскими партиями и Временным правительством не было необходимости доказывать тот факт, что Финляндия имеет особый статус в составе Российского государства. Вопрос лишь заключался в том, какими должны быть ее отношения с Россией и каковы права Временного правительства в Финляндии.

Между тем в начале июля 1917 г. в Петрограде разразился очередной политический кризис. Власть Временного правительства висела на волоске. В данной ситуации 5 (18) июля 1917 г. сейм одобрил большинством голосов (136 — «за», 55 — «против») «Закон о верховной власти», согласно которому ранее принадлежавшие российскому монарху права в Финляндии передавались, за исключением внешнеполитической и военной сфер, финляндскому парламенту [17, с. 15–16]. Закон принимался в разгар июльского кризиса, когда еще не был ясен исход борьбы в Петрограде. Информация о событиях в российской столице поступала неполная и противоречивая. Многие депутаты сейма считали власть Временного правительства низложенной и предпочитали воспользоваться моментом безвластия.

Известие о принятии финляндским сеймом «Закона о верховной власти» вызвало бурю негодования в российской прессе. Газета «День» опубликовала интервью с М. А. Стаховичем, который возложил вину за происшедшее на российскую социал-демократию и призвал следующий съезд Советов осудить подобные действия финнов. Кадетская «Речь» опубликовала статью Дмитрия Протопопова, который назвал решение сейма «крупной политической бестактностью» и «близорукостью». Он предложил применить в отношении Финляндии жесткие политические и экономические санкции. Известная своими антифинляндскими выступлениями газета «Новое время» усиленно муссировала идею черной неблагодарности со стороны Финляндии и разглядела за решением финляндского сейма скрытую поддержку Германии [7, ф. 135, оп. 474, д. 395/245, л. 30, 36]. Действия финляндского парламента безусловно поддержали только большевики [23, с. 152–153]. Однако в обозначенный период они не очень активно разыгрывали «национальную карту», предпочитая предоставить национальным регионам копить недовольство Временным правительством и ждать дальнейшего хода событий.

Развитие российско-финляндского конфликта происходило на фоне слухов о скорой высадке германского десанта в княжество. Поэтому, по мнению нового командующего Балтийским флотом Д. Н. Вердеревского, Временному правительству следовало проявлять необходимую осмотрительность и осторожность [1, ф. 418, оп. 1, д. 342, л. 32]. Одновременно в военных кругах обсуждались мероприятия на тот случай, если в Финляндии все же начнутся беспорядки. Командующий 42-м армейским корпусом В. Н. Клембовский предлагал сосредоточить для прикрытия Петрограда основную группировку войск в районе Выборга, свести разбросанные по Финляндии мелкие части в более крупные соединения, а также предупредить местную администрацию о том, что если начнутся какие-либо повстанческие дей-

ствия, крупные города, в первую очередь Гельсингфорс, будут разгромлены [1, ф. 418, оп. 1, д. 278, л. 13]. Становилось ясно, что вооруженные силы России, подчинявшиеся еще Временному правительству, были намерены любой ценой удержать Финляндию в своих руках.

18 (31) июля 1917 г. Временное правительство издало манифест о роспуске финляндского парламента [8, ф. 1276, оп. 14, д. 23, л. 122]. По-видимому, это была одна из его роковых ошибок. Сейм, несмотря на весь свой пыл в отстаивании национальной самостоятельности, на самом деле добивался для Финляндии широчайшей внутренней автономии, а не отделения от России. Стратегические интересы России не были затронуты «Законом о власти». Вопросов внешней политики сейм не касался, вывода русских войск не требовал [17, с. 17]. На примере разгона финляндского парламента современники видели контраст в политике российской демократии и царского правительства. Столь ненавистное многим финляндцам «реакционное» царское правительство в 1916 г., в условиях военного времени, провело выборы в финляндский парламент на основе самого демократичного в мире избирательного закона (всеобщее избирательное право, которое с 1906 г. распространялось и на женщин), в то время как передовое, демократическое Временное правительство, наоборот, разогнало парламент.

«Закон о власти» не был продиктован желанием финских социал-демократов отделить Великое княжество от России. Это решение вытекало из логики внутриполитической борьбы в Финляндии и обострения отношений между буржуазным правительством и социал-демократическим парламентом. «Красный сейм» хотел присвоить себе верховную власть во внутренних делах Финляндии, оттеснив на второй план правительство. Кроме того, социал-демократы впервые получили власть, у них отсутствовал серьезный практический опыт законотворчества. Временному правительству требовались терпение и государственная мудрость для того, чтобы найти приемлемое для обеих сторон решение. Тем более что сейм, получив сообщение из Петрограда о победе Временного правительства и поражении большевиков, спешно начал оправдываться перед Временным правительством за свои действия. Были подготовлены документы, где в извинительной форме объяснялось происхождение «Закона о власти». Но Временное правительство даже не стало их рассматривать. Оно предпочло распустить строптивый сейм.

Период, последовавший за разгоном сейма, характеризовался стремительной радикализацией финляндского общества, которая имела под собой экономические, политические и национальные причины. В знак протеста против роспуска сейма социал-демократы вышли из правительства, где остались лишь буржуазные сенаторы во главе с профессором Э.Сетяля. Социал-демократическое большинство сейма, не признававшее за Временным правительством верховных прав в Финляндии, решило назначить созыв парламента на 16 (29) августа 1917 г. Но генерал-губернатор М. А. Стахович командировал в этот день отряд казаков и закрыл зал заседаний.

Переход правящей элиты княжества к более радикальному способу действий по отношению к центральной власти в России во многом был обусловлен ослаблением позиций российской власти в Финляндии. Временное правительство разрушило большинство политических и административных структур, скрепляющих фундамент многонационального государства, наивно связывая свои надежды с возмож-

ностью консервировать империю в ее новой, «демократической» версии. Казалось, что демократизация общества сама по себе снимает все назревшие в многонациональном государстве проблемы, в том числе, с укреплением демократии сам собой отпадет и национальный вопрос. Однако в обстановке кризиса государственного управления, развала скреплявших империю государственных институтов, ухудшения военного, внешне- и внутривосточного положения России первоначально умеренные национальные элиты все более и более склонялись в пользу отделения от империи.

Вместе с тем финляндская политическая элита была всерьез обеспокоена усилением российской революционной власти в княжестве. После корниловского мятежа на проходившем в сентябре 1917 г. III Областном съезде армии, флота и рабочих Финляндии победу одержали большевики [23, с. 199–202]. Председателем исполкома Областного комитета был избран большевик И. Т. Смилга. Под его руководством 20 сентября (3 октября) 1917 г. упомянутый орган власти взял под свое попечение все российские правительственные учреждения княжества. Без одобрения Областного комитета никакие распоряжения Временного правительства в крае не выполнялись. К примеру, Областной комитет отменил приказ Временного правительства о выводе из Финляндии небоеспособных войск и замене их новыми соединениями. Речь в частности шла о выводе деморализованной 128-й дивизии и переводе ее на Ревельский участок фронта. Дивизия еще в период июньского наступления отказалась подчиняться приказам Временного правительства. Областной комитет действовал в русле инструкций В.И. Ленина, придававшего большое значение тому, чтобы в Финляндии не произошло замены пробольшевистски настроенных войск новыми частями. В письме И. Т. Смилге от 27 сентября 1917 г. В.И. Ленин в частности отмечал: «Кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот... Мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше идти на все, на восстание, на взятие власти» [24, с. 101–102].

27 сентября (10 октября) 1917 г. Областной комитет взял под свой контроль российскую службу безопасности, так называемую «охрану народной свободы». По мнению финского историка Э. Кетола, это означало восстание против Временного правительства, которое стало «стратегической предпосылкой Октябрьской революции и одновременно ее первой удавшейся операцией» [25]. Русские войска в Финляндии объявили себя независимыми от власти Временного правительства и повели самостоятельную линию на «углубление революции» [26, с. 54]. Областной комитет систематически вмешивался во внутренние дела Великого княжества, поддерживая действия финских левых социал-демократов, направленные против Временного правительства и собственной буржуазии. Финской рабочей гвардии передавалось оружие, что вызывало вполне объяснимое недовольство со стороны местной элиты [1, ф. 353, оп. 1, д. 127, л. 12 об].

Добавим к этому падение дисциплины и общую деморализацию размещенных в Финляндии русских войск, численность которых вместе с Балтийским флотом составляла около 125 тыс. человек [27, с. 274]. В местах наибольшего скопления воинских частей среди местных жителей росли антироссийские настроения [26, с. 54–58]. Расквартированные в княжестве войска представляли собой печальный результат политики Временного правительства в сфере демократизации армии

и флота. Сначала гнев солдат и матросов обрушился на своих командиров. Уже 3 (16) марта 1917 г. вице-адмирал Непенин сообщил о том, что «Балтийский флот как боевая единица сейчас не существует» [1, ф. Р-29, оп. 1, д. 153, л. 112]. Сам Непенин стал одной из первых жертв Февральской революции [28, с. 22–33]. В Гельсингфорсе восставшими матросами было убито 39 офицеров [1, ф. Р-29, оп. 1, д. 153, л. 198]. В Выборге солдаты арестовывали своих командиров, вели их на мост у Выборгского замка, сбрасывали в воду и добивали тех, кто пытался добраться до берега [29, S. 123–124]. С весны-лета 1917 г. финские газеты, вне зависимости от их политической ориентации, пестрели сообщениями о многочисленных случаях нарушения российскими солдатами местных законов и морали [30, s. 71–73].

Сообщения финских газет подтверждаются и российскими источниками. Так, в рапорте, подготовленном одним из сотрудников контрразведки Балтийского флота, указывалось, что «русские войска постоянно поддерживают всякие беспорядки и вмешиваются в распоряжения местных органов власти. Подобными действиями они возбуждают против себя жителей и так терпящих большие убытки от постоа войск (вырубка лесов, незаконные реквизиции, глушение рыбы динамитом и т. д.)» [1, ф. 418, оп. 1, д. 549, л. 35–35об]. Деморализация и общее падение дисциплины, экспроприации продовольствия способствовали росту сепаратистских настроений даже у тех местных жителей, кто ими был менее всего заражен.

Определенную роль в радикализации национальных стремлений финляндцев сыграл также фактор усиления германского военного присутствия в Балтийском регионе. После Февральской революции немецкое Верховное командование настаивало на необходимости начать наступление на Восточном фронте, чтобы окончательно сломить сопротивление России. Успех предстоящих операций, с точки зрения имперского руководства, можно было значительно облегчить, способствуя процессу внутреннего распада Российской империи. С этой целью продолжали получать поддержку сепаратистские движения ее национальных меньшинств, в том числе и финляндское «активистское движение». 15 марта 1917 г. глава германского внешнеполитического ведомства А. Циммерман потребовал от Стокгольмского «активистского» центра «использовать современное положение для энергичных действий» в княжестве, заявив, что «момент для провозглашения независимости, кажется, наступил» [12, Wk 11 с, Bd. 19]. 20 марта 1917 г. руководитель политического отдела германского Генштаба Э. фон Хюльзен обратился в Госсекретариат иностранных дел (МИД) с просьбой поддержать ходатайство о выделении для финляндского сепаратистского движения 1 млн немецких марок [12, Wk 11 с, Bd. 19, Bl. 104]. Примечательно, что эта сумма составила 1/5 часть средств, которые МИД запросил у имперского казначейства в марте 1917 г. для революционной пропаганды в России. Как показывают документы Политического архива МИД ФРГ, имперское казначейство с целью реализации упомянутой задачи предоставило 3 апреля 1917 г. 5 млн немецких марок [12, Wk 11 с, Bd 19, Bl. 107, 191].

23 апреля 1917 г. на совещании в Кройцнахе германское Верховное командование обещало финским сепаратистам поставки оружия [31, s. 138]. В мае 1917 г. германская подводная лодка UC 78 доставила в княжество первую партию [32, s. 130]. С лета 1917 г. увеличилось количество финляндских егерей, отправляемых в Финляндию с целью создания там вооруженных отрядов — шюцкора. Глава германского МИД А. Циммерман в телеграмме генералу Э. Людендорфу указывал: «Мы

сейчас многих получивших военное образование финляндцев по возможности отправляем в Финляндию и поддерживаем страну в создании военной организации. Правда, о нашей помощи не должно быть известно» [33, с. 175].

В конце августа 1917 г., чтобы выявить степень поддержки Германией идеи выхода Финляндии из состава Российского государства, в Стокгольм выехал Э. Ельт. Перед отъездом П. Э. Свинхувуд рекомендовал ему: «Непременно раздобудь сюда немцев, иначе мы не станем действовать» («Hanki nyt vain saksalaiset tänne, muuten me emme tule toimeen») [5, s. 61]. В шведской столице Ельт встретился с тайным советником МИД Германии Куртом Рицлером и сотрудниками политического отдела Генерального штаба Г. Штейнвахсом и К. Гранцем. В своих воспоминаниях Ельт отметил теплое отношение немецких военных и дипломатических кругов к стремлению Финляндии отделиться от России. Единственное, что не совсем удовлетворяло Ельта, — не прозвучало столь желанного для финляндских националистов обещания высадки германского военно-морского десанта на Аландские острова. Представители Германии дали понять, что финляндцы должны сами приложить максимум усилий для подготовки восстания в княжестве. Германия готова оказать помощь оружием и отправкой егерей для организации шюцкора [5, s. 58–59]. Так, в конце октября 1917 г. вышедший из Данцига немецкий транспорт «Эквитель» остановился недалеко от местечка Коккола, доставив в княжество 6 500 винтовок, 100 пулеметов, около 3 млн патронов и другое военное снаряжение [33, с. 179]. Примечательно, что в территориальных водах России на борту судна красовалось название «Мир» и развевался российский революционный флаг.

Российское военное командование с горечью отмечало рост германофильских настроений среди населения Финляндии и полагало, что в случае десанта немецких войск финляндцы, скорее всего, окажут им содействие. Жители Финляндии возлагали также надежды на то, что Германия поможет решить остро стоявший продовольственный вопрос [1, ф. 418, оп. 1, д. 549, л. 67].

Наконец, не последнюю роль в радикализации национальных требований финляндской элиты сыграл ее конфликт с социал-демократами. Финляндское общество в течение 1917 г. политически раскололось на сторонников буржуазной демократии и приверженцев социализма. Необходимы были серьезные реформы в социальной сфере, но политическая элита не торопилась с их проведением, считая распространение революционных идей исключительно следствием пропаганды и агитации из России. В правящих кругах Финляндии были сильны традиции авторитаризма. Будущее развитие Великого княжества рассматривалось только через призму двух альтернатив: либо закрепление статус-кво, либо открытие шлюзов для революции. Либерализм, по мнению финского историка Юхани Паасивирта, не имел столь заметного влияния на финской политической сцене и оказался не способным создать базис для попытки социального компромисса [4, p. 95]. В целом общая позиция финляндской политической элиты базировалась на ощущении безотлагательности. Финляндии следовало воспользоваться моментом, чтобы сделать еще один шаг на пути к полной государственной самостоятельности. Для этого у нее имелись два преимущества: нестабильность центральной власти в России и усиление германского военного присутствия в Балтийском регионе.

В начале октября 1917 г. состоялись выборы в финляндский сейм. Буржуазным партиям, объединившимся в предвыборный блок, удалось получить большинство

мест — 108 из 200. В это же время в Петрограде возобновились переговоры по вопросу о государственно-правовом договоре с Финляндией. Конституционный комитет К. Стольберга предложил закрепить связь между Россией и Финляндией путем принятия «Закона о взаимных правовых отношениях», проект которого должен был пройти утверждение в финляндском сейме и на российском Учредительном собрании. Финляндия провозглашалась республикой, где исполнительная власть принадлежала избираемому из числа финляндских граждан правителю (*valtakunnan päämies*), который получал все полномочия конституционного монарха, кроме наследственной власти и несменяемости. Внешняя политика оставалась в руках России, но предполагалось участие финляндских делегатов в международных конференциях, затрагивающих интересы Финляндии. Русские войска оставались в княжестве до создания собственной армии, которая во время войны получала общее с российской армией командование, но действовала только в пределах Финляндии. Предусматривалась также в случае возникших разногласий с Россией возможность обращения в Гаагский международный трибунал. Внутренняя автономия Финляндии не вызывала сомнения у членов Временного правительства, но смущали чрезвычайно широкие ее границы. В Петрограде возражали против дислокации российских войск на финской территории только в военное время, обращения в международный третейский суд и слишком широких полномочий так называемого правителя [8, д. 68, л. 19–26об].

15 и 16 октября (2 и 3 ноября) 1917 г. состоялись совместные заседания членов финского Конституционного комитета и Юридического совещания при Временном правительстве, на которых в форме конструктивного диалога обсуждались предложенные финской стороной проект «Закона о взаимных правовых отношениях России и Финляндии» и «Формы правления». Исходной точкой для диалога было согласие обеих сторон на предоставление Финляндии полной внутренней самостоятельности. Однако внутренняя самостоятельность понималась финляндцами и Временным правительством по-разному. Временное правительство полагало, что носитель верховной власти в России одновременно являлся носителем верховной власти в Финляндии, но финляндцы настаивали на том, что Финляндия должна иметь собственную конституцию, правителя и систему управления, независимые от российской власти. Если права главы Финляндского государства будут переданы какому-либо российскому органу, то, по мнению финляндских представителей, достичь внутренней самостоятельности будет невозможно. Кроме того, при том огромном количестве дел, которыми вынуждено заниматься российское правительство, оно не могло принимать во внимание все обстоятельства, необходимые для правильного решения вопросов, касающихся Финляндии. По мнению членов Комитета Стольберга, местные законы должны утверждаться финляндскими органами власти, а не российскими [8, д. 113, л. 7–8]. При этом вопросы обороны и внешней политики оставались прерогативой России.

Сенатор Вреде откровенно пояснил мотивы, почему все вопросы, за исключением внешних и военных, должны, по его мнению, разрешаться правительственными органами Финляндии. Он высказал опасение, что в России вполне возможно усиление националистических настроений. В истории не раз бывали случаи, когда самодержавные монархи давали отпор националистическим стремлениям в России. Но демократическая республика не имела реальной власти и силы, чтобы эф-

фективно противостоять русским националистам [8, л. 7]. Материалы совместных заседаний показывают, что финляндская элита не доверяла российской демократии и опасалась ее больше, чем царизма. С российской монархией, при всех ее недостатках, финская элита научилась работать и знала, чего от нее ожидать. Российская же демократия воспринималась финнами как непредсказуемая сила с весьма туманными перспективами.

Однако Временное правительство приятно удивило представителей Финляндии. 2 ноября, без каких-либо бюрократических проволочек, оно приняло решение передать проект «Закона о взаимных правовых отношениях России и Финляндии» на обсуждение финского парламента, а 5 ноября передало на обсуждение парламента проект «Формы правления». Однако компромисс был найден слишком поздно. 25 октября (7 ноября) 1917 г. генерал-губернатор Н. В. Некрасов и статс-секретарь К. Энкель выехали в Петроград, чтобы изложить эти предложения Временному правительству. Утром 26 октября (8 ноября) на вокзале пограничной станции Белоостров Некрасов и Энкель узнали, что Временного правительства больше не существует.

В этих условиях финляндская правящая элита неохотно, но пришла к убеждению, что отделение от революционной России является лучшим средством спасения для своей страны. Приход к власти большевиков, по образному выражению Ю. Бломстедта, превратил ранее кооперировавшихся с российским правительством ведущих политических деятелей Финляндии в «сторонников независимости страны за одну ночь» [33, с. 180]. Убеждение в том, что петроградский сценарий не должен повториться в Финляндии, придавало правящей элите необходимую смелость.

9 ноября 1917 г. финляндский парламент вспомнил о статье 38 шведской «Формы правления» 1772 г. Согласно этой статье, в случае смерти короля вся власть переходила трем избираемым парламентом регентам. В Регентский совет вошли П. Э. Свинхувуд, А. Грипенберг и Ю. К. Паасикиви. Несколько запоздалое обращение за юридической помощью к конституции времен правления шведского короля Густава III отражало вместе с тем ясное желание как можно быстрее отделиться от России. Ноябрьская всеобщая стачка в Финляндии вынудила финский парламент изменить свое решение относительно Регентского совета и объявить себя верховным органом власти. Среди сторонников выхода Финляндии из состава Российского государства возросла в этот период популярность видного финляндского оппозиционера П. Э. Свинхувуда. В ноябре 1917 г. он возглавил новое финляндское правительство, выступая за скорейшую изоляцию Финляндии от революционной анархии в Петрограде.

4 декабря 1917 г. П. Э. Свинхувуд внес на рассмотрение правительства проект об объявлении Финляндии независимой республикой. В своем выступлении он выразил надежду, что русский народ и его Учредительное собрание не станут препятствовать стремлению Финляндии «занять место среди свободных и независимых наций» [34, с. 2].

Спустя два дня, 6 декабря 1917 г., Декларация независимости была принята финляндским парламентом 100 голосами против 88 [34, с. 4]. Финляндия провозгласила независимость, но ей предстояло добиться международного признания и доказать жизнеспособность молодого государства в кровопролитной гражданской войне.

Для мировой истории процесс формирования нации, а затем образования независимого государства скорее является исключением, чем правилом, так как нарушает наиболее распространенную логику развития событий: государства создавали нации, а не наоборот. Между тем Финляндия очень достойно прошла этот путь. Включение нескольких восточных шведских провинций в состав Российской империи 1809 г. создало условия для складывания финляндской идентичности и формирования политической нации. За более чем столетний российский период Финляндия «заработала» упорным трудом право на независимость. И в тот момент, когда история предоставила шанс стать независимым государством, она этим шансом умело воспользовалась.

Литература

1. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153; Ф. 353. Оп. 1. Д. 127; Ф. 418. Оп. 1. Д. 549, Д. 2859.
2. *Idman K. G. Maamme itsenäistymisen vuosilta*. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1953. 358 s.
3. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 857 с.
4. *Ихалайнен П.* Из истории советско-финляндских отношений // Ученые записки Карельского пединститута. Петрозаводск, 1950. С. 3–17.
5. *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta*. Muistelmia. II. Helsinki: Otava, 1919. 322 s.
6. *Бьёркегрэн Х.* Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М.: Омега, 2007. 544 с.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 435/454.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1361. Оп. 1. Д. 68, 113; Ф. 229. Оп. 4. Д. 2039; Ф. 1093. Оп. 1. Д. 88.
9. *Кийскинен А.* За десятилетиями: Воспоминания / пер. с финского Э. Г. Карху, П. В. Самойлов. Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1958. 264 с.
10. *Paasivirta J. Finland and Europe. The Early Years of Independence, 1917–1939*. Helsinki: Finnish Historical Society, 1988. 555 p.
11. *Öhqvist J. Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit*. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1923. 180 S.
12. *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA, Berlin)*. Wk 11 c. Bd. 17–21; GrHq. Finland. Bd. 1.
13. *Юссилла О.* Великое княжество Финляндское. 1809–1917 / пер. с финского. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. 860 с.
14. *Stockholms Dagblad*. 24.04.1917.
15. *Полвинен Т.* Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л.: Наука, 1980. С. 13.
16. *Кеттола Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.
17. *Старцев В. И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.: Европейский дом; Liechtenstein: Topos Verlag, 1997. С. 6–34.
18. *Дусаев Р. Н.* Образование независимого Финляндского государства // Вестник ЛГУ. Вып. 1. 1975. № 5. С. 88–95.
19. *Сюкияйнен И. И.* Гельсингфорский сейм рабочих организаций в 1917–1918 гг. // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Вып. V. С. 115–134.
20. Российский государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 320.
21. *Черняев В. Ю.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.
22. *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М.: Международные отношения, 1975. 408 с.
23. *Антонов-Овсенко В.* В семнадцатом году. Киев: Украина, 1991. 335 с.

24. Сюкияйнен И.И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1962. 312 с.
25. Ketola E. Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // XI Suomalais-Neuvostoliittolainen Historioitsijoiden Symposio. 1987. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1988. S. 343–355.
26. Дубровская Е. Ю. Многомерная радикализация: российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 65 с.
27. Huttunen P. Venäläisten linnoitustyöt Suomen sisämaassa ensimmäisen maailmansodan aikana. Oulu: Oulun historian laitos, 1988. S. 271–278.
28. Смолин А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С. 22–33.
29. Tiander K. Das Erwachen Osteuropas. Erinnerungen und Ausblicke. Wien; Leipzig: Wilhelm Braumüller, 1934. 183 s.
30. Soikkanen H. Kansalaissota Dokumentteina. I. Helsinki: Tammi, 1967. 381 s.
31. Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi. I. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1987. 323 s.
32. Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Jtämmerella. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1987. 262 s.
33. Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 300 с.
34. Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma / Toim. A. Pakaslahti. Helsinki: Ulkoasiainministeriö, 1937. 288 s.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2018 г.

Статья рекомендована в печать 3 мая 2018 г.

Контактная информация:

Новикова Ирина Николаевна — д-р ист. наук, профессор; i.novikova@spbu.ru

From autonomy to independence: The Provisional government and Finland in 1917

I. N. Novikova

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Novikova I. N. From autonomy to independence: The Provisional government and Finland in 1917. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 107–127. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.201>

The article is dedicated to the history of Russian-Finnish relations in the period between the February and October revolutions 1917 in Russia. It was the period where the idea of secession from the Russian state finally formed in the Finnish society, which was embodied in the Declaration of Independence on December 6, 1917. This paper examines the Finnish policy of the Provisional Government, the relationship between the Provisional Government, the ruling elite and political parties in Finland, reasons for the radicalization of the national requirements of the Finns. The author tries to clarify why Russian liberals and democrats in 1917 were unsuccessful in “domesticating” Finnish nationalism.

Keywords: Russian Empire, Finland, Provisional Government, Russian-Finnish relations.

References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota (RGA VMF) [*The Russian state archive of the Navy (RSA N)*], f. 29 p., op. 1, d. 153; f. 353, op. 1, d. 127; f. 418, op. 1, d. 549, d. 2859. (In Russian)

2. Idman K. G. *Maamme itsenäistymisen vuosilta* [Our country in the years of gaining of independence]. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1953. 358 p. (In Finnish)
3. *Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii posle sverzheniia samoderzhaviiia. Dokumenty i materialy* [Revolutionary movements in Russia after the overthrow of autocracy. Documents and materials]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1957. 857 p. (In Russian)
4. Ihalainen P. Iz istorii sovetsko-finliandskikh otnoshenii [From the history of the Soviet-Finnish relations]. *Uchenye zapiski Karelskogo pedinstituta*. Petrozavodsk, 1950, pp. 3–17. (In Russian)
5. Hjelt E. *Vaiherikkailta vuosilta. Muistelmia* [For years. Memoirs], vol. II. Helsinki, Otava, 1919. 322 p. (In Finnish)
6. B'yorkegren H. *Skandinavskii tranzit. Rossiiskie revoliutsionery v Skandinavii. 1906–1917* [The Scandinavian transit. The Russian revolutionaries in Scandinavia. 1906–1917]. Moscow, Omega, 2007. (In Russian)
7. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI)* [The archive of the Russian Empire's foreign policy (AREFP)], f. 138, op. 467, d. 435/454. (In Russian)
8. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian state historical archive (RSHA)], f. 1361, op. 1, d. 68, 113; f. 229, op. 4, d. 2039; f. 1093, op. 1, d. 88. (In Russian)
9. Kijskinen A. *Za desiatiletiiami: Vospominaniia* [At a distance of decades. Memoirs], transl. from Finnish by E. G. Karkhu, P. V. Samoilov. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izd-vo Karelskoi ASSR, 1958. 264 p. (In Russian)
10. Paasivirta J. *Finland and Europe. 1917–1939*. Helsinki, Finnish Historical Society, 1988. 555 p.
11. Öhqvist J. *Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit* [The lion banner. The Finnish people's rise to freedom]. Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1923. 180 p. (In German)
12. *Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA, Berlin)* [Political archive of the Ministry of Foreign Affairs of Germany], Wk 11 c. Bd 17–21; GrHq. Finland, Bd. 1.
13. Yussila O. *Velikoe kniazhestvo Finliandskoe. 1809–1917* [The Grand Duchy of Finland. 1809–1917], transl. from Finnish. Helsinki, Ruslania Books Oy, 2009. 860 p. (In Russian)
14. *Stockholms Dagblad* [Stockholm's daily newspaper]. 24.04.1917.
15. Polvinen T. *Oktiabr'skaia revoliutsiia i stanovlenie nezavisimosti Finliandii* [The October Revolution and the establishment of the Finnish independence]. *Rossii i Finliandiia. 1700–1917. Materialy VI sovetsko-finliandskogo simpoziuma istorikov* [Russia and Finland. 1700–1917. Materials of the IV Soviet-Finnish symposium of historians]. Leningrad, Nauka, 1980, p. 13. (In Russian)
16. Ketola E. *Revoliutsiia 1917 goda i obretenie Finliandiei nezavisimosti* [The Revolution of 1917 and gaining of the Finnish independence]. *Otechestvennaia istoriia* [The National history], 1993, no. 6, pp. 27–45. (In Russian)
17. Startsev V. I. *Vremennoe pravitel'stvo i Finliandiia v 1917 godu* [The Provisional Government and Finland in 1917]. *Rossii i Finliandiia v XX veke* [Russia and Finland in 20th century]. St. Petersburg, Liechtenstein, Evropeiskii dom Publ., Topos Verlag, 1997, pp. 6–34. (In Russian)
18. Dusaev R. N. *Obrazovanie nezavisimogo Finliandskogo gosudarstva* [The formation of independent Finnish state]. *Vestnik LGU*, 1975, is. 1, no. 5, pp. 88–95. (In Russian)
19. Syukiyajnen I. I. *Gel'singforskii seim rabochikh organizatsii v 1917–1918 gg.* [The Helsingfors Sejm of labor organizations in 1917–1918]. *Skandinavskii sbornik* [The Scandinavian collection]. Tallinn, 1962, is. V, pp. 115–134. (In Russian)
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [The Russian state archive of Saint-Petersburg], f. 7384, op. 9, d. 320. (In Russian)
21. Cherniaev V. Iu. *Revoliutsiia 1917 goda i obretenie Finliandiei nezavisimosti* [The Revolution of 1917 and attainment of independence by Finland]. *Otechestvennaia istoriia*, 1993, no. 6, pp. 27–45. (In Russian)
22. Pokhlebkina V. V. *SSSR — Finliandiia: 260 let otnoshenii. 1713–1973* [The USSR-Finland: 260 years of relations. 1713–1973]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1975. 408 p. (In Russian)
23. Antonov-Ovseenko V. *V semnadtsatom godu* [In the year 1917]. Kiev: Ukraina Publ., 1991. 335 p. (In Russian)
24. Siukkiainen I. I. *Revoliutsionnye sobytiia 1917–1918 gg. v Finliandii* [The revolutionary events in Finland in 1917–1918]. Petrozavodsk: Karelskoe knizhnoe izd-vo, 1962. 312 p. (In Russian)
25. Ketola E. *Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys* [Finland's military rebellion as a strategic precondition of the October Revolution]. *XI Suomalais-Neuvostoliittolainen Historioitsijoiden Symposio — 1987* [XI Finnish-Soviet historical symposium — 1987]. Helsinki, Suomen historiallinen seura, 1988, pp. 343–355. (In Finnish)

26. Dubrovskaja E. Iu. *Mnogomernaia radikalizatsiia: rossiiskie voennosluzhashchie, natsionalnye i sotsialnye dvizheniia finliandtsev v 1917 g.* [Multidimensional radicalization: the Russian military servicemen, Finnish social and national movements in 1917]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2016. 65 p. (In Russian)
27. Huttunen P. *Venälaisten linnoitustyöt Suomen sisämaassa ensimmäisen maailmansodan aikana* [Russian defense fortification' works in the internal Finland during the First World War]. Oulu, Oulun historian laitos, 1988, pp. 271–278. (In Finnish)
28. Smolin A. V. *Vosstanie v Gel'singforsse 3–4 marta 1917 g. i ubiistvo vitse-admirala A. I. Nepenina* [Helsingfors revolt of 3–4 March 1917 and the murder of vice-admiral A. I. Nepenin]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy* [Saint-Petersburg and countries of Northern Europe]. St. Petersburg, Izd-vo RKhGA, 2007, pp. 22–33. (In Russian)
29. Tiander K. *Das Erwachen Osteuropas. Erinnerungen und Ausblicke* [The awakening of Eastern Europe. Memories and views]. Wien, Leipzig, Wilhelm Braumüller, 1934. 183 p. (In German)
30. Soikkanen H. *Kansalaisota Dokumentteina* [Documents of civil war], vol. I. Helsinki, Tammi, 1967. 381 p. (In Finnish)
31. Polvinen T. *Venäjäen vallankumous ja Suomi* [The Russian revolution and Finland], vol. I. Porvoo, Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1987. 323 p. (In Finnish)
32. Luntinen P. *Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä* [German Imperial Navy in the Baltic Sea]. Helsinki, Suomen historiallinen seura, 1987. 262 p. (In Finnish)
33. Novikova I. N. «*Finskaia karta*» v nemetskom pas'ianse. *Germaniia i problema nezavisimosti Finliandii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The Finnish card' in the German patience. Germany and the problem of the Finnish independence during the World War I]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2002. 300 p. (In Russian)
34. *Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma* [Recognition of Finland's independence. Collection of documents], Toim. A. Pakaslahti. Helsinki, Ulkoasiainministeriö, 1937. 288 p. (In Finnish)

Author's information:

Irina N. Novikova — Dr. Sci. in History, Professor; i.novikova@spbu.ru